

Глава 81. Линия обороны рухнула

Это был незнакомый, тихий и прекрасный мир.

И в то же время до странности знакомый — словно когда-то они уже без остатка открылись друг другу.

Фу Линцзюнь внезапно вспомнил, как тогда, во время наведения души и сотворения сна, ещё совсем зверёк Цзян Тан, раненный после падения в бездну сна, дерзко вторгся в его божественное святилище слабой, хрупкой душой юноши.

В его божественное святилище не мог войти никто.

И всё же одному только Цзян Тану он будто сам отдал ключ.

По телу разлилось чувство странное, но удивительно гармоничное. Будто рыба вошла в воду. Они смешивались, проникали друг в друга, становились неразделимы.

Он помнил, что тогда в нём мелькнуло подозрение и ему захотелось понять, почему его святилище не отвергает Цзян Тана. Но, когда он очнулся от сна, нагой юноша перед ним напрочь спутал все его сомнения и настороженность, а после Фу Линцзюнь и вовсе забыл докопаться до тайны, скрытой за этим.

Вновь соприкоснувшись душами, Фу Линцзюнь увидел больше, чем в тот раз, когда они обнялись душами во время наведения.

Он увидел тысячелетнюю мёртвую тишину долины Тяньбэй. Ветер, пролетающий над пустошью, мягко скользнул мимо его уха. В бескрайней тьме к чёрному кокону, оплетённому скачущими дугами молний, медленно слетались крошечные трусливые существа, мерцавшие слабым светом, и осторожно садились на него.

Среди целого неба светлячков внутри чёрного кокона смутно проступали две тени.

Могучая сила одной души снова и снова терзала другую, слабую, и будто никак не могла этим насытиться.

Фу Линцзюнь хотел рассмотреть всё ещё внимательнее. Разрозненные картины уже начали проступать яснее, но вдруг снова исчезли.

Ночная луна тонула в фейерверках. Люди толпились, огни фонарей путались и дрожали, под высоко подвешенными стеклянными вращающимися фонарями сновали прохожие. И вдруг из толпы, слегка растрёпанно, буквально протиснулись трое.

Один — в пурпурном, с серебряной короной и нефритовым поясом. Второй — с детским лицом, в светло-голубом. И ещё один — молчаливый здоровяк.

Одежда на всех троих была изрядно помята, так что после толкотни вид у них вышел не слишком приличный.

— Ай, мы что, и правда так поздно выбрались? Ни одного фонаря уже не купить? — Е Чжэнвэнь потёр плечо. Только что его неизвестно сколько раз задевали и пихали в толпе, так что плечо у него уже ныло.

Хуай Чэнъинь стряхнул пыль с полы одежды и зевнул:

— Не купить так не купить. Пошли назад. Спать хочу.

Сян Син тоже кивнул.

— Да ну вас! — возмутился Е Чжэнвэнь. — Вы не знаете: дядюшка Цзян собрался свести меня с внучкой какого-то старейшины. Хорошо ещё, что сегодня я вовремя смылся, а то вообще не смог бы с вами встретиться!

— Я слышал, внучка старейшины Цзо из секты Лянъи, Цзо Сянъюнь, очень даже хорошая девушка, — начал загибать пальцы Хуай Чэнъинь. — Характер прямой, открытый, без жеманства, способности хорошие, да и красавица вроде бы. Как ни считай, это скорее она не захочет тебя видеть. А ты ещё и прячешься...

В конце концов, дурная слава молодого господина Е давно разнеслась повсюду. Любая хоть немного нормальная заклинательница вряд ли польстилась бы на такого избалованного бессмертного отпрыска.

— ... — Е Чжэнвэнь поперхнулся словами. И, как ни думал, возразить не смог. Тогда он просто двинул Хуай Чэнъиня кулаком. — Ты вообще на чьей стороне?

Видя, что эти двое вот-вот опять сцепятся, Хуай Чэнъинь вдруг указал на чуть более тихий переулок неподалёку:

— Тебе же нужен фонарь? Вон там ещё есть один!

Е Чжэнвэнь посмотрел в ту сторону, куда он показывал.

Там, наполовину утонув в темноте, стоял лоток с фонарями. Всё, что прежде должно было висеть у него над головой, уже раскупили, и сбоку остался только один пухлый фонарь-кролик, свисавший чуть набекрень.

У Фу Линцзюня дрогнули ресницы.

Человек, до этого тонувший в удовольствии от слияния душ, медленно пришёл в себя.

— Мм... — невольно выдохнул Цзян Тан.

Его лоб был прижат ко лбу Фу Линцзюня, а в голове ещё долго стояла пустота. Маленький слабак, которого только что втянули в объятие душ, просто не выдержал эмоций, налетевших на него, как цунами. Попытка отвергнуть всё это провалилась, и он окончательно лёг пластом, превратившись в бесформенную лужицу, которую хоть тыкай, хоть нет — не поднимешь.

Обнять душу Фу Линцзюня было куда труднее, чем обнять стоящего перед ним человека.

Фу Линцзюнь мог говорить с ним с улыбкой и стараться касаться его как можно мягче, но его душа была острой, беспокойной, режущей, переполненной ненавистью. Стоило ей приблизиться, как невыносимый поток тяжёлых чувств безжалостно вонзался в него, и хрупкий маленький слабак просто не выдерживал.

Это было похоже на гигантское чудовище, пытающееся войти в тёплую комнату. Всё его тело утыкано шипами, и неважно, лезет оно через дверь или через окно, ломится напролом или вежливо стучит, — всё равно получается властно и жестоко.

Как телефону с жалкой памятью принять сверхтяжёлый архив данных.

К счастью, на этот раз соприкосновение душ длилось совсем недолго. Ещё несколько таких волн чужих эмоций — и Цзян Тан, пожалуй, завис бы прямо на месте.

Когда он немного пришёл в себя после этого головокружительного потрясения, ему всё ещё казалось, будто по телу обвиваются электрические дуги Фу Линцзюня. Каждую его клеточку оплетали тонкие нити тока, медленно скользившие по коже.

Это было очень приятно.

Но очень выматывало почки.

Его тело непроизвольно откликнулось на это. Он не только покраснел до ушей и лишился сил, но и почувствовал внутри странный жар.

Руки у юноши дрожали так, будто у него Паркинсон. Одна из них всё дрожала и дрожала, пока наконец не влезла между их лбами.

Фу Линцзюнь смотрел, как эта рука протискивается между их соприкасающимися бровями и отгораживает их друг от друга.

Потом не удержался и улыбнулся. При свете фонаря-кролика его обычно хищные черты стали особенно мягкими.

Он протянул руку и взъерошил Цзян Тану волосы.

Через ночную темноту прилетела духовная птица и опустилась Е Чжэнвэню на палец.

Тот раскрыл послание, пробежал глазами пару строк и резко переменялся в лице:

— Плохо дело! С дядюшкой Цзяном что-то случилось! Пошли, пошли, хватит гулять, надо срочно возвращаться!

Сказав это, он тут же развернулся и помчался прочь. Ни до фонаря, о котором он только что мечтал, уже не было дела — ветер свистел у него под ногами, так он спешил.

— Что случилось-то? — Хуай Чэнъинь поспешил следом, но не забыл обернуться и окликнуть Сян Сина: — Пошли!

Сян Син посмотрел на пухлый фонарь-кролик, потом на лоток, полускрытый во тьме, и шмыгнул носом.

Он почувствовал хозяина и Сяо Бая. Но, пока хозяин не позовёт, подойти он не мог.

— Хозяин... рад, — он улавливал часть чувств Фу Линцзюня, но не понимал, откуда они взялись. Так и не разобравшись, он повернулся и пошёл вслед за Хуай Чэнъинем.

Ветер качнул фонарь-кролика.

Тот тихонько зашуршал.

Только спустя какое-то время Цзян Тан наконец снова обрёл голос.

— Я... слышал... Е... Е Чжэнвэня...

Лежавшая на его голове рука ещё раз мягко его погладила.

— Они нас не видят.

— Угу, — пискнул Цзян Тан. Да не в этом же дело! Они и не подходили — конечно, не могли увидеть!

И всё же ему до ужаса хотелось спросить, не увидел ли великий босс чего-нибудь такого, что не покажешь в эфире.

Соприкоснулись они совсем ненадолго. По идее, этого не хватало, чтобы что-то разглядеть. В прошлый раз, когда он провалился в воспоминания Фу Линцзюня, его долго и многократно перетряхивало волнами чужих чувств, прежде чем он сумел хоть что-то рассмотреть. Но маленький пёсик, у которого вся голова была забита жёлтым мусором, всё равно думал: да даже секунды хватит, чтобы увидеть то, что не для эфира, потому что, пока он безуспешно пытался отвергнуть файл-пакет Фу Линцзюня, у него самого в голове как раз и крутилась сплошная непристойщина.

Ах да. Если великий босс и правда может увидеть его память, не выяснил ли он тогда, что душа у него с самого начала человеческая? Само по себе попадание в книгу — штука слишком дикая. А вдруг Фу Линцзюнь теперь сочтёт его каким-то особенно странным уродцем?

Фу Линцзюнь чуть отстранился:

— Что такое?

Цзян Тан, закрыв ладонью лоб, не двигался.

Фу Линцзюнь приблизился, а Цзян Тан инстинктивно попытался отшатнуться. Только в ногах совсем не было сил, подняться он не мог. Всё его тело жалобно дрожало, и выглядел он так, словно над ним только что всласть поизмывались.

Разумеется, Фу Линцзюнь не мог бы истолковать это в плохом смысле. Напротив — с любопытством подался ближе, рассматривая его покрасневший до крови кончик уха.

И протянул руку, чтобы потрогать.

Горячий.

Цзян Тан съёжился и сердито уставился на него.

— Не... трогай! — попытался рявкнуть он. Только голос у него всё равно вышел мягкий, до ужаса размякший.

Фу Линцзюнь и правда больше не потянулся. Лишь с явным недоумением посмотрел на руку, которой Цзян Тан упорно закрывал лоб.

Руку трясло так, что заметить это было невозможно.

Но убирать он её всё равно не собирался.

Цзян Тан смутно почувствовал: Фу Линцзюнь смотрит на его руку как-то подозрительно. Вдруг опять захочет повторить. От одной этой мысли он так перепугался, что поспешно сменил тему:

— То... что ты сегодня... должен сделать. Это... опасно?

Фу Линцзюнь подумал немного и ответил:

— Сегодня — нет.

Значит, потом будет опасно.

Цзян Тан моргнул, глядя на то, с какой серьёзностью Фу Линцзюнь и правда обдумал вопрос и лишь потом ответил.

Странно. Реакция у великого босса такая, будто он... не успел увидеть ничего такого? Всё это время Цзян Тан переживал, не мелькнули ли перед тем его запретные мини-видосики, а у Фу Линцзюня — вообще никакой реакции. Неужели правда время слияния оказалось слишком коротким и всё прервалось раньше, чем он успел что-то заметить?

Настроение у Цзян Тана тут же взлетело. Никогда ещё Е Чжэнвэнь не казался ему таким приятным человеком! Когда они вернутся и он увидит его, он непременно должен будет как следует поблагодарить — это же благодетель, спасший его от социальной смерти!

Только радовался Цзян Тан меньше секунды.

Потому что грешная лапа Фу Линцзюня снова протянулась к нему.

На этот раз — чтобы оторвать его руку от лба.

— Ты... что делаешь... — Цзян Тан занервничал до дрожи и не хотел убирать ладонь, но её уже сжали и силой потянули вниз.

Во взгляде Фу Линцзюня светились любопытство и желание. Он придвинулся ближе и смазанно пробормотал:

— Я... не увидел...

От ужаса Цзян Тан весь превратился в перепёлку.

— Нельзя! — У него не было таких мирских желаний!

У Цзян Тана таких желаний не было, а вот у Фу Линцзюня, только что вкусившего сладкое, были. Он чувствовал розоватое смятение Цзян Тана и не находил там отвращения. Напротив — где-то глубоко пряталась даже крошечная надежда.

— Почему нельзя? — совершенно серьёзно спросил он.

Цзян Тан готов был умереть от стыда и просто провалиться под землю. Вообще-то само ощущение было... очень сложным. Он не испытывал отвращения. Просто всё это обрушилось слишком яростно — как цунами, закрывающее небо, как утопление, от которого невозможно вырваться. И когда чувства Фу Линцзюня раз за разом прокатывались по его душе, между ними рождалось ощущение какой-то ещё большей близости.

Словно вода и рыба стали едины.

Словно сама душа пошла кругом.

Вообще-то ему это... не было неприятно.

Но старый извращенец Тан твёрдо решил отстаивать неприкосновенность собственной территории. Немного попробовал — и хватит. Зачем обязательно лезть смотреть его память? У-у-у, да если Фу Линцзюнь и правда всё увидит, его образ просто рассыплется! Да и все те мелкие дурные мысли ещё с тех времён, когда он был зверьком, всё это желание то и дело воспользоваться случаем и полапать... Нет, нельзя!

— Потому что мы снаружи? — Фу Линцзюнь, хоть и скрыл их фигуры, всё-таки понимал, что они до сих пор стоят посреди оживлённого города. И сам счёл это не совсем уместным. Он легко подхватил Цзян Тана на руки — и в следующий миг они уже оказались в обители Десяти Сторон.

Фу Линцзюнь, скрывший их присутствие, двигался очень быстро. Сегодня ночью в обители Десяти Сторон всё стояло на ушах из-за того, что святой сам попросил для себя наказание молнией. Даже глубокой ночью в зале Небесных Тайн ещё толпилась куча народа: кто поддерживал Цзян Чаньюаня, кто хотел подлить масла в огонь, кто делал вид, что стоит в стороне... У каждого был свой интерес, и все наперебой плевались словами, отстаивая его.

Фу Линцзюня это совершенно не волновало.

Эта сцена казалась ему до смешного фальшивой. И в ближайшие дни эти люди из-за других дел покажут ещё больше своих притворных лиц.

Он унёс Цзян Тана обратно в комнату, где их временно поселили.

Взмахнув рукой, он поставил за дверью защитный барьер.

Потом снова приблизился и стянул с его лба ладонь:

— Теперь можно.

Лоб ко лбу. Могучая душа замедлила движение и осторожно коснулась Цзян Тана.

Их души уже однажды сливались, так что сильного отторжения не возникло. Она, словно смущаясь, но всё же не противясь, приняла его визит.

Фу Линцзюнь уже привычным движением подцепил этого маленького слабака, растёкшегося в бесформенную кашу, и втянул его вместе с собой в безжалостное переплетение душ.

На этот раз его чувства уже пропитались мягкостью Цзян Тана и не были такими колючими.

Сильная и в то же время ласковая душа слой за слоем обволакивала хрупкую слабую душу. Каждая волна чувств, проходившая по ней, несла в себе скрытую властность и нежную, тягучую ласку.

Цзян Тан пал мгновенно.

Линия обороны рухнула.

Примечание автора:

Всё очень невинно, ниже шеи ничего не было! Только выше макушки!

<http://bllate.org/book/17032/1653725>